

ПЕРВЫЕ ДНИ

Основатели республики Шкид. —

Воробышек в роли убийцы. —

Сламщики. — Первые дни.

На Старо-Петергофском проспекте в Ленинграде среди сотен других каменных домов затерялось облупившееся трехэтажное здание, которому после революции суждено было превратиться в республику Шкид.

До революции здесь помещалось коммерческое училище. Потом оно исчезло вместе с учениками и педагогами.

Ветер и дождь попеременно лизали каменные стены опустевшего училища, выкрашенные в чахоточный серовато-желтый цвет. Холод проникал в здание и вместе с сыростью и плесенью расползался по притихшим классам, оседая на партах каплями застывшей воды.

Так и стоял посеревший дом со слезящимися окнами. Улица с очередями, с торопливо пробегающими людьми в кожанках словно не замечала его пустоты, да и некогда было замечать. Жизнь кипела в других местах: в совете, в райкоме, в потребилровке.

Но вот однажды тишина здания нарушилась грохотом шагов. Люди в кожанках, с портфелями, пришли, что-то осмотрели, записали и ушли. Потом приехали подводы с дровами.

Отогревали здание, чинили трубы, и наконец прибыла первая партия крикливых шкетов-беспризорников, собранных неведомо откуда.

Много подростков за время революции, голода и гражданской войны растеряли своих родителей и сменили семью на улицу, а школу на воровство, готовясь в будущем сделаться налетчиками.

Нужно было немедленно взяться за них, и вот сотни и тысячи пустующих, полуразрушенных домов снова приводили в порядок, для того чтобы дать кров, пищу и учение маленьким бандитам.

Подростков собирали всюду. Их брали из «нормальных» детдомов, из тюрем, из распределительных пунктов, от измученных родителей и из отделений милиции, куда приводили разношерстную беспризорщину прямо с облавы по притонам. Комиссия при губоно сортировала этих «дефективных», или «трудновоспитуемых», как называли тогда испорченных улицей ребят, и оттуда эта пестрая публика распределялась по новым домам.

Так появилась особая сеть детских домов-школ, в шеренгу которых стала и вновь испеченная «Школа социально-индивидуального воспитания имени Достоевского», позднее сокращенная ее дефективными обитателями в звучное «Шкид».

Фактически жизнь Шкиды и началась с прибытия этой маленькой партии необузданных шкетов. Первые дни новорожденной школы шли в невообразимом беспорядке. Четырнадцати и тринадцатилетние ребята, собранные с улицы, скоро спаялись и начали бузить, совершенно не замечая воспитателей.

Верховодить сразу же стал Воробьев, прозванный с первого дня Воробышком — отчасти из-за фамилии, отчасти из-за своей внешности. Он был маленький, несмотря на свои четырнадцать лет, и за все пребывание в школе не вырос и на полдюйма. Пришел Воробей вместе с парнем, по фамилии Косоров, из нормального детского дома, где он собирался убить заведующего школой.

Как-то летним вечером Воробьева по приказу завдетдомом не пустили гулять, и он поклялся жестоко отомстить за такое зверство. На другой день Косоров — его верный товарищ — достал ему револьвер, и Воробьев пошел в кабинет заведующего. Косоров стоял у дверей и ждал единственного выстрела — другого не могло быть, так как в револьвере был один патрон.

Что произошло в кабинете, осталось неизвестным. Выстрела Косоров так и не услышал, а видел только, как раскрылась дверь и разъяренный заведующий стремительно протацил за шиворот бледного Воробья.

Впоследствии Воробьев рассказывал, что, когда он скомандовал «руки вверх», заведующий упал на колени и лишь осечка испортила все дело.

За это неудавшееся покушение и за целый ряд других подвигов Воробья перевели в Шкиду. Вместе с ним был переведен и его верный товарищ — Косоров.

«Косарь», в противоположность Воробью, был плотным здоровяком, но всегда ходил хмурый. Таким образом, соединившись в «сламу», они дополняли друг друга.

Жить «на сламу» означало жить в долгой и крепкой дружбе. «Сламщики» должны были всем

делиться между собой, каждый должен был помогать своему другу.

Придя в Шкиду, сламщики сразу поставили дело так, что остальные шесть шкетов боялисьдохнуть без их разрешения, а заика Гога стал подобострастно прислуживать новым заправилам.

Состав педагогов еще не был подобран. Воспитанникам жилось вольготно.

День начинался часов в одиннадцать утра, когда растрепанная кухарка вносила в спальню вчерашний обед и чай.

Не вставая с кровати, принимались за шамовку.

Воробей, потягиваясь на кровати, грозно покрикивал тоненьким голосом на Гогу:

— Поддай суп! Принеси кашу!

Гога беспрекословно выполнял приказания, бегая по спальне, за что милостиво получал в награду папироску.

Шамовки было много, несмотря на то что в городе, за стенами школы, сидели еще на карточках с «осьмушками». Происходило это оттого, что в детдоме было пятнадцать человек, а пайков получали на сорок. Это позволяло первым обитателям Шкиды вести сытную и даже роскошную жизнь.

Уроков в первые дни не было, поэтому вставляли лениво, часам к двенадцати, потом сразу одевались и уходили из школы на улицу.

Часть ребят под руководством Гоги шла «крохоборствовать», собирать окурки, другая часть просто гуляла по окрестным улицам, попутно заглядывая и на рынок, где, между прочим, прихватывала с лотков зазевавшихся торговцев

незначительные вещицы вроде ножей, ложек, книг, пирожков, яблок и т. д.

К обеду Шкида в полном составе собиралась в спальне и ждала, когда принесут котлы с супом и кашей. Столовой еще не было, обедали там же, где и спали, удобно устраиваясь на койках.

Сытость располагала к покою. Как молодые свинки, перекатывались питомцы по койкам и вели ленивые разговоры.

«Крохоборы» разбирали мерзлые «чинаши», тщательно отдирая бумагу от табака и распределяя по сортам. Махорку клали к махорке, табак к табаку. Потом эта сырая, промерзлая масса раскладывалась на бумаге и начиналась сушка.

Сушили после вечернего чая, когда с наступлением зимних сумерек появлялась уборщица и, громыхая кочергой и заслонками, затапливала печку.

Серенький, скучный день проходил тускло, и поэтому поминутно брызгающая красными искрами печка с веселыми язычками пламени всегда собирала вокруг себя всю школу. Усевшись в кружок, ребята рассказывали друг другу свои похождения, и тут же на краю печки сушился табак — самая дорогая валюта школы.

Полумрак, теплота, догорающие в печке поленья будили в ребятах новые мысли. Затихали. Каждый думал о своем. Тогда Воробей доставал свою балалайку и затягивал тоскующим голосом любимую песню:

По приютам я с детства скитался,
Не имея родного угла.
Ах, зачем я на свет появился,
Ах, зачем меня мать родила...

Песню никто не знал, но из вежливости подтягивали, пока Гога, ухарски тряхнув черной головой, не начинал играть «Яблочко» на «зубарях».

«Зубари», или «зубарики», были любимой музыкой в Шкиде, и всякий новичок прежде всего старательно и долго изучал это сложное искусство, чтобы иметь право участвовать в общих концертах.

Для зубарей важно было иметь слух и хорошие зубы, остальное приходило само собой. Техника этого дела была такая. Играли на верхних зубах, выщелкивая мотив ногтями четырех пальцев, а иногда и восьми пальцев, когда зубарили сразу двумя руками. Рот при этом то открывался широко, то почти совсем закрывался. От этого получались нужной высоты звуки. Спецы по зубарям доходили до такой виртуозности, что могли без запинки сыграть любой самый сложный мотив.

Таким виртуозом был Гога. Будучи заикой, он не мог петь и всецело отдался зубарикам. Он был одновременно и дирижером, и солистом шкидского оркестра зубарей. Обнажив белые крупные зубы, Гога мечтательно закидывал голову и быстрой дробью начинал выбивать мелодию. Потом подхватывал весь оркестр, и среди наступившей тишины слышался отчаянный треск зубариков.

Лица теряли человеческое выражение, принимали тупой и сосредоточенный вид, глаза затуманивались и светились вдохновением, свойственным каждому музыканту. Играли, разумеется, без нот, но с чувством, запуская самые головоломные вариации, и в творческом порыве не замечали, как входил заведующий.

Это означало, что пора спать.

В первые дни штат Шкиды был чудовищно велик. На восемь воспитанников было восемь служащих, хотя среди них не было никого лишнего. Один дворник, кухарка, уборщица, завшколой, помощница зава и три воспитателя.

Завшколой — суровая фигура. Грозные брови, пенсне на длинном носу и волосы ежиком. Начало педагогической деятельности Виктора Николаевича уходило далеко в глубь времен. О днях своей молодости он всегда вспоминал и рассказывал с любовью. Воспитанники боялись его, но скоро изучили и слабые стороны. Он любил петь и слушать песни. Часто, запершись во втором этаже в зале, он садился за рояль и начинал распевать на всю школу «Стеньку Разина» или «Дни нашей жизни».

Тогда у дверей собиралась кучка слушателей и ехидно прохаживалась на его счет:

- Эва, жеребец наш заржал!
- Голосина что у дьякона.
- Шаляпин непризнанный!..

Завшколой переехал в интернат с первого дня его основания и поселился во втором этаже.

От интерната квартиру заведующего отделял один только зал, который в торжественные минуты назывался «Белым залом». Стены Белого зала были увешаны плохими репродукциями с картин и портретами русских писателей, среди которых почетное место занимал портрет Ф. М. Достоевского.

В качестве помощницы заведующего работала его жена, белокурая немка Элла Андреевна Люмберг, или просто Эллушка, на первых порах взявшая на себя роль кастелянши, но потом перешедшая на преподавание немецкого языка.

Они-то и являлись основателями школы.

Воспитателей было немного.

Один — студент, преподаватель гимнастики, получивший кличку Батька. Другой — хрупкий естествовед, влюбленный в книжки Кайгородова о цветах, мягкий и простодушный человек, потомок петербургских немцев-аптекарей. Прежде всего «ненормальный» питомник не принял его трудно выговариваемого имени. Герберта Людвиговича сперва переделали в Герб Людовича, потом сократили до Герб Людыча, потом любовно и просто стали звать Верблюдычем и наконец окончательно закрепили за ним имя Верблюд.

Однако Верблюда любили за мягкость, хотя и смеялись над некоторыми его странностями. А их у него было много. То подсмотрят ребята, как Верблюдыч перед сном начинает танцевать в кальсонах, напевая фальшивым голосом мазурку, то вдруг он начнет мучить шкидцев, настойчиво разучивая гамму на разбитом пианино, которое не в добрый час оказалось у него в комнате.

Музыка у Верблюдыча была второй страстью после цветов. Однако все же он играть ни на чем не умел и за все свое пребывание в школе не поразил шкидцев ни одним новым номером, кроме гаммы.

Третий педагог был ни то ни се. Он скоро исчез со шкидского горизонта, обидевшись на маленький паек и на слишком тяжелую службу у «дефективных». Впоследствии он был спортиструктором Всеобуча, а оттуда перешел в мясную лавку на должность «давальца».

ЦЫГАН ИЗ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ

*Здравствуйте, сволочи! — Викниксор. —
Бальзам от скуки. — Первый поэт
республики. — Однокашник Блока. —
Цыган в ореоле славы.*

Недолго тянулись медовые дни ничегонеделания. Постепенно комплект воспитанников пополнился, появились и приходящие ученики, такие, которых отпускали после уроков домой. Открылись три класса, которые завшколой назвал почему-то отделениями.

Начались занятия. Меньше стало свободного времени для прогулок. К тому же завернули морозы, и ребята все больше отсиживались в спальне, мирно коротая зимние вечера.

В один из таких вечеров, когда весь питомник, сгрудившись, отогревался у печки, в спальню вошел Виктор Николаевич, а за ним показалась фигура парня в обтрепанном казенном пальто.

«Новичок», — решили мысленно шкидцы, критически осматривая нового человека.

Завшколой откашлялся, взял за руку парня и, вытолкнув вперед, проговорил:

— Вот, ребята, вам еще один товарищ. Зовут его Николай Громоносцев. Парень умный, хороший математик, и вы, надеюсь, с ним скоро сойдетесь.

С этими словами Виктор Николаевич вышел из комнаты, оставив ребят знакомиться.

Колька Громоносцев довольно нахально оглядел сидевших и, решив, что среди присутствующих сильнее его никого нет, независимо поздоровался:

— Здравствуйте, сволочи!

— Здравствуй, — недружелюбно процедил за

всех Воробьев. Он сразу понял, что этот новичок скоро будет в классе коноводом. С появлением Громоносцева власть уходила от Воробья, и, уже с первого взгляда почувствовав это, Воробышек невзлюбил Кольку.

Между тем Колька, нимало не беспокоясь, подошел к печке и, растолкав ребят, сел у огня.

Ребята посторонились и молча стали оглядывать новичка. Вызывающее поведение и вся его внешность им не понравились.

У Кольки был зловецкий вид. Взбитые волосы лезли на прямой лоб. Глаза хитро и дерзко выглядывали из-под темных бровей, а худая мускулистая фигура красноречиво утверждала, что силенок у него имеется в достатке.

Путь, по которому двигался Громоносцев к Шкиде, был длинный путь беспризорного. Пяти лет он потерял отца, а позже и мать. Без присмотра, живя у дальних родственников, исхулиганился, и родственники решили сплавить юнца поскорее с рук, сдав его в Николо-Гатчинский институт.

Родственники получили облегчение, но институт не обрадовался такому приобретению. Маленький шкетик Колька развернулся вовсю: дрался, ругался, воровал и неизвестно чем закончил бы свои подвиги, если б в это время институт не расформировался.

Но Колька — сирота, и его переводят в другое заведение, потом в третье. Колька так много сменил казенных крыш, что и сам не мог их перечислить, пока наконец воровство не привело его в Александро-Невскую лавру.

Когда-то лавра кишела черными монашескими скуфьями и клобуками, но к прибытию Кольки святая обитель значительно изменила свою фи-

зиономию. Исчезли монахи, а в бывших кельях поселились новые люди.

Тихие кельи превратились в общие и одиночные камеры, в которых теперь сидели несовершеннолетние преступники.

Лавра была последней ступенью исправительной системы. Отсюда было только две дороги: либо в тюрьму, либо назад в нормальный детдом.

Попасть в лавру считалось в те годы самым большим несчастьем, самым страшным, что могло ожидать молодого правонарушителя. Провинившихся школьников и детдомовцев пугали Шкидой, но если уж речь заходила о лавре — значит, дело было швах, значит, парень считался конченным.

И вот Колька Громоносцев докатился-таки до лавры. Три месяца скитался он по камерам, наблюдая, как его товарищи по заключению дуются самодельными картами в «буру», слушал рассказы бывалых, перестукивался с соседями, даже пытался бежать. В темную зимнюю ночь он с двумя товарищами проломили решетку камеры и спустились на полотенцах во двор. Поймали их на ограде, через которую они пытались перелезть. Отсидев тридцать суток в карцере, Колька неожиданно образумился. Однажды, явившись к заведующему, твердо заявил:

— Люблю математику. Хочу быть профессором.

Категорическое заявление Кольки подействовало. Громоносцева перевели в Шкиду.

В тот же день, рассмотрев поближе новичка, шкидцы держали совет:

— Как его прозвать?

— Трубочистом назовем. Эва, черный какой!

— Жуком давайте.